

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 2009 г.

В.Р. ЭРЛИХ. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Прото-меотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.

Северо-Западный Кавказ – интереснейший регион, через который тысячелетиями осуществлялись связи между Европой и Азией, степями и горами. Там сосредоточены всемирно известные памятники, такие, как Келермесский, Ульский и другие могильники, многие вещи из которых вошли в сокровищницу шедевров мирового искусства. Рецензируемая книга посвящена предшествующему времени (VIII – первая половина VII в. до н.э.), чрезвычайно важному для изучения как особенностей материальной культуры в переломный момент ее развития, так и зарождения в ней новых элементов. Работа построена на археологическом материале, тщательный и глубокий анализ которого позволил В.Р. Эрлиху не только обосновать свои взгляды на хронологию, периодизацию, особенности сложения и развития рассмотренных памятников, но и обратиться к изучению определившей их появление исторической ситуации. В основу исследования положены памятники Северо-Западного Кавказа, в том числе раскопанные под руководством или при непосредственном участии автора, что несомненно увеличивает ценность источниковедческой части работы. Однако выделение данной территории диктуется не только кругом полевых исследований В.Р. Эрлиха. В рассматриваемый период Северо-Западный Кавказ представлял собой культурный анклав, по своей материальной культуре отличный от окружающих территорий, хотя и поддерживавший с ними разнообразные отношения.

Монография состоит из девяти глав, введения, заключения, 229 рисунков, четырех таблиц результатов спектрального анализа и сводной таблицы относительной хронологии памятников предскифского времени на пространстве Северного Кавказа, причерноморской степи и лесостепи, Приднестровья и Средней Европы.

Глава I называется «Феномен меотской археологической культуры раннего железного века», глава II – «Освоение железа и переход к раннему железному веку в Средиземноморье и циркумпонтийской зоне», глава III – «Памятники финальной бронзы на Северо-Западном Кавказе», глава IV – «Памятники “перехода” к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе (протомеотская группа памятников)», глава V – «Погребальный обряд протомеотских могильников», глава VI – «Бытовые и культовые памятники протомеотского периода», глава VII – «Материальная культура протомеотских памятников», глава VIII – «Проблемы относительной и абсолютной хронологии протомеотских памятников» и глава IX – «Историческая роль протомеотского периода». Во введении и заключении поставлены задачи и подведены итоги. Уже из названия глав видны обстоятельность и фундированность исследования. Необходимо прежде всего отметить высокий профессиональный уровень анализа археологического материала. Прослеживаются истоки каждой категории, географическое распространение, изменение во времени, приведен широкий и убедительный круг аналогий, особое внимание уделено вопросам хронологии. В.Р. Эрлиху удалось выделить детали, имеющие значение хроноиндикаторов, например, особенности рифления стержней бронзовых удил (с. 175) и др. Предлагаемые классификации служат хорошим рабочим инструментом для упорядочения материала, хотя наличие разнообразных типологий, принадлежащих разным авторам, несколько затрудняют восприятие. Вызывают сомнения и некоторые определения. Так, неясно, почему называются кувшинами сосуды, лишенные основных признаков этой формы – одной ручки и носика со сливом (рис. 142, с. 80, ср. у Даля: «сосуд... с пережабиною под горлом, с ручкою и носком...»¹). Вряд ли следует го-

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1881 (переиздание 1989). s.v. «кувшин».

ворить о сечении рукояти (с. 85) – имеется в виду только ее ствол. Но таких огрехов очень мало. Большое внимание уделено технологии производства бронзовых и железных изделий, что значительно усиливает аргументацию. Тщательный анализ археологического материала позволил В.Р. Эрлиху достаточно полно реконструировать картину жизни племен, населявших Северо-Западный Кавказ накануне создания раннескифского комплекса и, очевидно, появления этнических скифов. Особое и заслуженное внимание уделено контактам населения Прикубанья с восточноевропейской степью. Автор не первый обратился к анализу связей Северного Кавказа и степи, но материал Северо-Западного Кавказа впервые в этом аспекте изучен с такой полнотой и тщательностью и в полном объеме представлен читателю.

Начало железного века – период, предшествовавший сложению на этой территории меотской или, что представляется более правильным, меото-скифской культуры и соответственно получивший название протомеотского. Как известно, первые упоминания меотов античными источниками относятся к довольно позднему времени (VI в. до н.э.), причем очевидно, что это название имело не этническое, а географическое содержание, о чем подробно пишет и В.Р. Эрлих (с. 10). Тем не менее, как подчеркивает исследователь, меотов, несмотря на их полиэтничность, объединяли близкие материальная культура и погребальная обрядность, обусловившие появление на данной территории единой «меотской археологической культуры» (там же).

Выделение особого протомеотского периода – вопрос дискуссионный. Вся монография В.Р. Эрлиха является, на мой взгляд, доказательством правомерности такого выделения, но особое внимание ему уделено в главах I и IV.

Автор показывает отличие материалов протомеотского периода и от памятников предшествующей эпохи, т.е. финальной бронзы, и от классической меотской (меото-скифской) культуры.

Одна из основных особенностей протомеотского периода, по В.Р. Эрлиху, состоит в том, что его культура находится в стадии формирования и, как справедливо отмечено в гл. IV, определение «археологическая культура» к нему неприменимо. Следует говорить лишь о группе памятников соответствующего времени, которые, хотя и имеют отдельные общие элементы, четко делятся на три локальных варианта – приморско-абинский, центральный (степной) на левобережье Кубани и предгорный в верховьях рек Белая и Фарс. Такое разделение вытекает из последовательного анализа всех элементов материальной культуры, проделанного автором, выделяющим как общие, так и специфические их особенности. Убедительно показано, что специфика каждого варианта во многом диктовалась и хронологически предшествовавшими памятниками, и характером и направлением отраженных в их материале культурных связей. Помимо общих характеристик приводится и подробное описание каждого комплекса, входящего в тот или иной вариант, что значительно повышает информативность работы. Памятники правого берега Кубани В.Р. Эрлих вполне справедливо, как кажется, не относит к протомеотским, а связывает с кочевниками причерноморских степей.

По обоснованному заключению автора, памятники протомеотского периода представляют собой не результат плавного развития, а инновацию, свидетельствующую о значительных изменениях в жизни их создателей. Характер этих изменений подвергнут в работе тщательному изучению. Так, в основе центрального варианта лежат памятники финальной бронзы, сосредоточенные именно в этом регионе и весьма мало представленные на остальной территории Северо-Западного Кавказа, что хорошо видно на карте (рис. 4). Генетические связи прослежены и автором, и другими исследователями на основании стратиграфии поселений и анализа керамических комплексов. Появление здесь памятников протомеотского типа В.Р. Эрлих предположительно объясняет притоком населения из причерноморской степи. К этому выводу подводят и устойчивые связи со степью, характерные для этой группы протомеотских памятников, и особенности экологической ситуации в степях, которые могли стимулировать такое продвижение.

С проникновением населения из восточноевропейских степей В.Р. Эрлих связывает и образование протомеотского варианта в предгорьях, куда, по его мнению, степняки должны были продвинуться еще раньше притока степного населения в равнинное Закубанье (центральный вариант). Это положение базируется на бытовании в предгорных районах в протомеотский период ряда достаточно архаичных степных форм еще позднебронзового (сабатиновского) времени. Имеются в виду некоторые керамические формы, роговые псалии, скипетры, булавы.

Меньше всего степное влияние, по наблюдению автора, проявляется в приморско-абинском варианте, основу которого составляло автохтонное население.

Не вызывают сомнений предложенное В.Р. Эрлихом определение степных элементов в протомеотских памятниках и оценка их количества. Такая ситуация вряд ли могла быть результатом только интенсивного обмена, поэтому заключение о притоке степного населения в Закубанье представляется вполне вероятной гипотезой. В то же время нельзя не учитывать, что выявление следов миграций на археологическом материале – задача достаточно сложная и не имеющая однозначного решения. Целых комплексов, которые безоговорочно можно было бы считать отражением миграции, в Закубанье как будто нет, хотя и их отсутствие не доказывает, что притока нового населения не было – отражение его в материальной культуре действительно могло принимать различные формы. Несомненно, важным аргументом можно считать общие элементы керамики, прослеженные автором. Однако допускать, что отдельные элементы, как, например, булавки с кольцевидной головкой, «являются свидетельством того, что в формировании протомеотских памятников приняло участие население причерноморской степи» (с. 160), можно лишь с очень большими оговорками, хотя самый факт их присутствия, безусловно, нужно учитывать.

Как убедительно продемонстрировал В.Р. Эрлих, связи с восточноевропейской степью, прослеживаемые на всем протяжении протомеотского периода, оказались весьма значимыми для культуры обоих регионов. Закубанские памятники автор обоснованно делит на четыре хронологических горизонта – предновочеркасский/раннечерноголовский, предклассический/переходный, классический новочеркасский и раннежаботинский, что подчеркивает их непосредственную связь со степными культурами Восточной Европы, где принята такая номенклатура. Исследователь совершенно справедливо отказывается от определения «киммерийские» применительно к населению, этническая принадлежность которого не может быть установлена. Прослеживая степные элементы в протомеотских памятниках, автор тщательно анализирует их культурную принадлежность, хронологию и особенности распределения по локальным вариантам. Степное влияние обнаружено им в самых разных категориях материальной культуры – в посуде, оружии, конском снаряжении. Возникает лишь некоторое сомнение, когда степное происхождение формы основывается на единичных, хотя и достаточно ранних экземплярах. Так, мысль о том, что «идея» удил с треугольными окончаниями внешних петель (тип III вариант 1 по Эрлиху) могла быть заимствована из степи, подтверждается единственным (и в общем-то стоящим особняком), хотя и ранним, экземпляром из могильника Гордеевка (с. 119). При богатстве и разнообразии сруби, производимой протомеотскими мастерами, вполне можно предположить и независимое происхождение данной формы. Но, как правило, с прослеженными автором степными аналогиями, включающими и анализ прикубанского и степного металла, следует согласиться. Именно анализ конского снаряжения привел В.Р. Эрлиха к весьма интересным выводам, позволившим пересмотреть некоторые устоявшиеся представления. В частности, он картографировал все типы так называемых степных псалиев, найденных на территории Северного Кавказа, Восточной и Центральной Европы и сделал их подсчет. Проведенный анализ показал, что дырчатые псалии количественно преобладали в центральном варианте протомеотских памятников. Это привело исследователя к заключению о закубанском центре производства этих псалиев, возникших на базе степных костяных прототипов и получивших широкое распространение в степях Восточной Европы. Взаимоотношения со степью могли, по предположению В.Р. Эрлиха, иметь «вид взаимовыгодного обмена» (с. 389), при котором степняки поставляли лошадей и с ними отдельные элементы конского убора, как, например, роговые псалии. Подобный же механизм связей между Средней Европой и Северным Причерноморьем, и в частности Прикубаньем, прослежен еще раньше К. Метцнер-Небельсик и поддержан автором монографии (с. 192). Протомеотское население, в свою очередь, снабжало кочевников прежде всего производимыми им металлической уздой и оружием.

Не менее интересными оказались исследования узды предгорного района, позволившие сделать вывод о вызревании в смешанной культурной области, объединившей протомеотский предгорный и западный варианты кобанской культуры Северного Кавказа, «комплекса Новочеркасского клада» и одного из основных его признаков – петельчатых псалиев. Именно отсюда они, по заключению автора, распространялись «в равнинную часть Закубанья и дальше в степь и лесостепь юга Восточной Европы» (с. 50). Пришедший «элитарный» характер памятников новочеркасского типа в Восточной Европе и сравнительная непродолжительность новочеркасского периода уже неоднократно отмечались исследователями. По предположению В.Р. Эрлиха, выплеск новочеркасского комплекса в степь и лесостепь связан с военной экспансией с тер-

ритории Предкавказья (с. 189), что, учитывая общую обстановку того времени, представляется вполне вероятным.

Весьма важны наблюдения относительно хронологического соотношения черноговорского и новочеркасского периодов, сделанные на основании анализа прикубанских памятников. Как известно, этот вопрос является предметом оживленной дискуссии и его разрешение влияет на понимание исторической обстановки на широком пространстве от Кавказа до Восточной и Центральной Европы. Автор строит аргументацию в первую очередь на сравнении ранних групп могил в могильниках Фарс (предгорный вариант) и Пишиш (центральный вариант) (с. 174–176). Проведенный анализ свидетельствует, что погребения могильника Пишиш, отнесенные А.А. Сазоновым к древнейшему, собственно черноговорскому этапу, не предшествуют, а одновременно погребениям Фарса, относящимся к выделенному автором предновочеркасскому горизонту. Это привело В.Р. Эрлиха к выводу о синхронности и соответственно разнотипности ранних периодов предгорного и центрального вариантов протомеотских памятников и соответственно к тому, что трехпестельчатые (новочеркасские) псалии и псалии «дырчато-муфтовой» схемы (черноговорские) были не хронологическими, а культурными индикаторами (с. 177). Этот аргумент в пользу весьма раннего сосуществования упомянутых двух традиций, безусловно, необходимо учитывать.

В монографии тщательно исследуются контакты протомеотских племен и с другими регионами, причем рассматриваются направление полученных культурных импульсов, их характер, определяемый особенностями заимствований, изменения, связанные с более узкими хронологическими отрезками. Так, сношения с центральными областями Северного Кавказа поддерживались постоянно и проявлялись в основном в обоюдном обмене предметами конской упряжи. Южные контакты четко прослеживаются преимущественно в памятниках предгорного варианта, связанного с Западным Закавказьем через систему перевалов Большого Кавказа. Колхидская принадлежность найденных в могильниках предгорного района Закубанья бронзовых и железных изделий, определенная автором, представляется очевидной. По мнению исследователя, подкрепленному металлографическими анализами, произведенными Н.Н. Тереховой, проникновение прочных контактов объясняется импортом высококачественного железа из Бзыбской Абхазии (с. 190). Ряд материалов свидетельствует о проникновении влияний из других областей, расположенных к югу от Кавказского хребта. В связи с этим можно отметить два железных кинжала с бронзовыми рукоятками из Новониколаевского и Кубанского могильников, приводимых как примеры такого влияния, что подтверждается и необычной для протомеотских мастеров техникой изготовления (с. 93). Что касается первого (рис. 151, 1), орнаментация ствола рукоятки действительно имеет закавказские аналогии, но форма ее в целом является скореевольной вариацией восточнозакавказских бронзовых и биметаллических кинжалов и мечей, т.е. свидетельствует больше о подражании, чем о прямом заимствовании. Нужно, конечно, учитывать, что бронзовые рукоятки биметаллических кинжалов в Восточном Закавказье отличались особым разнообразием. Кинжал из Кубанского могильника (рис. 151, 3) значительно ближе некоторым единичным закавказским экземплярам, что позволяет предполагать его импорт из неопределенной области к югу от хребта.

В новочеркасский период, по мнению автора, определяющим в установлении связей не только с Закавказьем, но и с Передней Азией стало участие северокавказского и в том числе северо-западнокавказского населения в военных походах в Переднюю Азию. Походы эти, как предполагает В.Р. Эрлих, должны были проходить в русле отмеченных аккадскими текстами первых киммерийских кампаний конца VIII в. до н.э., хотя могли начаться и раньше. Находки переднеазиатских вещей или скорее вещей, сделанных по переднеазиатским образцам и имеющих отношение к воинскому комплексу, автор считает «наиболее адекватным археологическим соответствием древнейшим упоминаниям о походах киммерийцев в ассирийских хрониках времени Саргона II» (с. 191). Одним из доказательств мобильности протомеотских воинов и соответственно их готовности к дальним рейдам автор справедливо полагает обилие конского снаряжения и конские захоронения в могильниках (с. 65). Подчеркивает он и определенные изменения в структуре общества, выделение элитной воинской прослойки. Конечно, никакими данными об участии «протомеотов» в походах киммерийцев ассирийских текстов мы не располагаем. Однако если понимать под киммерийцами родственные скифам степные племена, что кажется наиболее вероятным, их походы через перевалы Большого Кавказа могли, как и скифские, осуществляться только при непосредственном участии горцев. В свое время Д.С. Раевский и я объясняли отсутствие в Передней Азии элементов материальной куль-

туры предскифского времени характером этих порой молниеносных набегов. В Закавказье такие предметы обнаружены. В.Р. Эрлих рассматривал их как свидетельство «присутствия носителей новочеркасского комплекса к югу от Большого Кавказского хребта» (с. 190). Фраза эта не совсем удачна. Во-первых, упомянутые вещи могли появиться и в результате заимствования их закавказцами, пересекшими хребет в обратном направлении. Во-вторых, она может быть понята как утверждение о сколько-нибудь постоянном пребывании носителей новочеркасского комплекса в Закавказье, чего контекст соответствующих находок в закавказских могильниках, где они зафиксированы в единичных экземплярах, никоим образом не доказывает. Предполагать оседание там мигрантов с севера, видимо, членов воинских отрядов, позволяют только особенности распространения происходящих из северопрichernоморских степей артефактов в могильниках собственно скифской материальной культуры к югу от Большого Кавказа. В то же время сам факт появления в Закавказье северокавказских вещей, в особенности в инвентаре могильников, таких, как Парадизфестунг или Мингечаурский на территории Азербайджана, весьма важен прежде всего для выяснения относительной и даже абсолютной хронологии.

Менее четко выражены связи с черноморским побережьем, прослеженные, по существу, на одном типе булавок и поддерживавшиеся, как полагает В.Р. Эрлих, морским путем (с. 193).

Как видно из всего вышеизложенного, важнейшим элементом материальной культуры протомеотского периода были предметы, связанные с коневодством и значительно увеличившейся ролью лошади в жизни населения не только Прикубанья и Северного Кавказа, но всех восточноевропейских степей. В это время было прочно освоено всадничество, т.е. использование верховых лошадей для дальних переходов и военных действий, о чем свидетельствует прежде всего уже упоминавшееся обилие и разнообразие элементов конской узды, необходимых при «профессиональной» верховой езде. По мнению В.Р. Эрлиха, с которым, очевидно, следует согласиться, воинские погребения с деталями конской узды нужно рассматривать как погребения воинов-всадников, где узда символизирует захоронение вместе с воином его коня. Количество таких погребений в протомеотских памятниках достаточно велико. Так, в могильнике Фарс их выявлено 40% от общего числа захоронений, а из 24 воинских погребений 16 содержат конскую узду (с. 64, 49). Фарс – некрополь элиты², и такое соотношение также подчеркивает роль всадничества как индикатора привилегированного сословия. Близкие цифры отмечены автором и в других памятниках предгорного варианта (с. 65). Особенности протомеотского периода, согласно В.Р. Эрлиху, заключаются в довольно распространенном, хотя и не повсеместном обычае хоронить вместе с воином тушу коня или его «чучело» т.е. шкуру, от которой сохраняется череп и кости конечностей. Хотя сопровождающие конские погребения отмечены во всех трех локальных вариантах, захоронение целых туш, как показывает автор, характерно преимущественно для предгорного района. Коня не бросали в могилу как попало, а укладывали на живот или на бок с подогнутыми ногами в определенных местах могильной ямы, что подчеркивает значимость этого животного в жизни общества или во всяком случае его элитной прослойки. Тщательно прослеживая отличительные особенности каждого из выделенных вариантов и в этом аспекте, автор показывает, что захоронения конских шкур сосредоточены в центральном варианте, тогда как в приморско-абинском до ранне-скифского времени они вообще отсутствуют.

Специальное внимание уделено исследователем проблеме, неоднократно поднимавшейся в его предшествующих работах, – вероятности использования протомеотской элитой колесниц и выделения тех элементов конской узды, которые можно считать индикаторами колесничной запряжки. Важнейшую роль в этом плане сыграло исследование Кавказской экспедицией Государственного музея Востока в 1988 г. кургана Уашхиту 1 (центральный вариант), проводившееся под руководством автора и К.А. Днепровского. В погребальной яме кургана были прослежены симметричные следы предположительно двух колес, расположенные на расстоянии 2.1 м друг от друга, и скелеты четырех вьюзданных лошадей. Рассматривая их упряжь, В.Р. Эрлих убедительно развивает и значительно дополняет сделанные в свое время А.Н. Мелентьевым выводы о колесничной принадлежности отдельных элементов конской узды. Используя полученные результаты, автор отмечает присутствие колесниц, непосредственное или скорее символическое, и там, где кроме бронзовых частей сбруи нет никаких их следов.

Сводка всех таких комплексов привела его к важным пространственным и хронологическим выводам. Так, стала очевидной особая концентрация колесничных комплексов в ареале прото-

² Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. М., 1999. С. 31–36.

меотской группы памятников, но от их принадлежности исключительно к наиболее позднему предскифскому времени, предполагавшейся автором ранее, пришлось отказаться. Проведенный анализ показал, что использование колесничной упряжи началось не позже первой половины VIII в. до н.э. При этом исследователь не отказывается от сформулированной им ранее гипотезы о заимствовании колесниц во время походов протомеотов в Переднюю Азию, основанной, в частности, на находках на Северном Кавказе предметов закавказского и переднеазиатского происхождения, о чем выше упоминалось. Хронологические коррективы приводят автора к убеждению, что такие походы должны были начаться не в конце VIII в. до н.э., как он первоначально предполагал, а раньше, еще до сложения «классического» новочеркасского комплекса (конец VIII – начало VII в. до н.э.), который, по его мнению, в значительной степени обязан своим формированием именно походному периоду.

Отстаивая свою гипотезу о переднеазиатском происхождении колесниц из протомеотских памятников, В.Р. Эрлих вступает в полемику со сторонниками их автохтонного, во всяком случае степного, происхождения. Не вдаваясь в детали, отметим только несколько положений. Как уже отмечалось, походы северокавказских воинов в Переднюю Азию, хотя и не могут быть однозначно доказаны, представляются вполне вероятными, что предполагает возможность заимствований. Правда, прямых аналогий элементам колесничной упряжи, выделенным В.Р. Эрлихом, в ассирийских рельефах как будто нет. Это позволяет предположить, что, даже при заимствовании «идей» колесницы, приспособления, необходимые для ее запряжки, протомеотские мастера, достигшие большого мастерства в изготовлении конской узда, конструировали сами.

Еще раньше В.Р. Эрлих предположил, что принцип запряжки, реконструированный им для прикубанской колесницы, совпадает с ассирийским³. Добавим, что заимствованный элемент ассирийского колесничного убора непосредственно зафиксирован в раннескифском Краснознаменском кургане, исследованном В.Г. Петренко в районе Ставрополя⁴. Косвенным свидетельством заимствования колесницы автор склонен считать то обстоятельство, что древнейшие элементы конской упряжи, найденные в Закубанье, изготовлены из железа, а все более поздние – из бронзы (с. 152). Что же касается предполагаемого степного происхождения кавказских колесниц, он совершенно верно, на мой взгляд, подчеркивает, что все данные о восточноевропейских колесницах (преимущественно о связанных с ними элементах упряжи) относятся ко времени не позже II тыс. до н.э. (и скорее к первой его половине). Как справедливо замечает В.Р. Эрлих, в памятниках поздней бронзы, непосредственно предшествовавших по времени протомеотским, никаких следов использования колесниц нет. Поэтому на данном этапе гипотеза о заимствовании колесниц, подчеркивающих высокое положение владельца, из Передней Азии представляется предпочтительной, хотя она также порождает много вопросов, ответов на которые пока нет.

Поскольку одной из отличительных особенностей протомеотского периода является освоение железной металлургии, естественно стремление автора рассмотреть эту проблему на широком фоне переднеазиатских и восточноевропейских культур. На основании тщательного хронологического и морфологического анализа железных вещей с широким привлечением результатов металлографических исследований В.Р. Эрлих приходит к хорошо аргументированному выводу о двух традициях, повлиявших на создание железной металлургии Прикубанья. В предгорных памятниках эти навыки заимствованы из закавказского, преимущественно западнокавказского региона, а в равнинных – из восточноевропейских степей, что определило и качественное отличие железных изделий локальных вариантов, подтвердив, в свою очередь, правомерность их выделения.

Важнейшими при решении всех затрагиваемых в работе были вопросы датировки и целых горизонтов, и отдельных памятников. Выше уже отмечалось значение вывода о соотношении черноморовского и новочеркасского этапов, полученного при сравнении протомеотских могильников. Обращаясь к абсолютным датам выделенных им хронологических горизонтов, В.Р. Эрлих использует широкий круг как северных, так и южных аналогий, правомерность которых представляется мне очевидной. Что касается верхней даты протомеотского периода, она достаточно четко определяется хронологией раннескифских памятников, на которую и опирается автор. По поводу нижней даты возникли существенные разногласия, и здесь В.Р. Эрлих приводит развернутую аргументацию в защиту своей точки зрения, согласно которой начало

³ Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. С. 38–39.

⁴ Петренко В. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Москва–Берлин–Бордо, 2006. С. 104–105, 108–109.

протомеотского периода относится к первой половине VIII в. до н.э. При этом он допускает, что «IX в. до н.э. для данного периода не исключен, и при получении новых материалов нижняя граница предскифского периода может быть уточнена» (с. 187). Такая позиция представляется наиболее взвешенной. Специальное внимание уделено и проблеме известного среднеевропейскогоклада Прюдь, имеющего аналогии в протомеотских памятниках и датированного исследователями от IX до VIII в. до н.э. Нужно отметить, что к ранее приводившимся автором соображениям о необходимости датировать клад не по ранним, а по поздним кавказским вещам добавлен тщательный анализ его европейских составляющих. Здесь нет смысла излагать все аргументы участников дискуссии, подробно освещенные в книге. Хотелось бы остановиться лишь на одном из них, а именно на хронологическом значении найденных на Северном Кавказе бронзовых шлемов. Автор, на мой взгляд, совершенно прав, присоединяясь к мнению тех исследователей, которые связывают появление кованых шлемов на Северном Кавказе с ассирийским влиянием, но, учитывая, что подобная форма использовалась в Ассирии достаточно долго – от второй половины VIII в. до конца первой половины VII в. до н.э., – отказываются от более узких датировок, основанных на этих аналогиях. С другой стороны, ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе во второй половине VIII в. до н.э., позволяет относить знакомство с ассирийскими шлемами именно к этому времени. А.М. Лесков и В.Р. Эрлих добавляют к этому косвенному доказательству факт изготовления северокавказских шлемов из бронзы, а не из железа, что было более характерно для ассирийских экземпляров VII в. до н.э.

А.И. Иванчик справедливо обратил внимание на то, что в Закавказье случаи использования шлемов, правда, достаточно редкие, отмечены еще начиная с середины II тыс. до н.э. По его мнению, о непосредственной связи с северокавказскими может свидетельствовать шлем с наушами из погребения 13 Бешташенского могильника (Триалети, Грузия), отнесенного им к XIII–XII вв. до н.э., и остатки шлемов из Арчадзорского кургана 1 (Карабах), согласно А.И. Иванчику, того же периода⁵. На этом основании дата северокавказских шлемов могла бы быть значительно удревлена. Не обращаясь здесь к уточнению хронологии закавказских комплексов, отметим, что дата Бешташенского могильника представляется несколько заниженной, и часть его погребений, в том числе и могилу со шлемом, вряд ли стоит относить к столь раннему времени. От предполагаемых шлемов из Арчадзорского могильника вообще сохранилось столь немного, что на их основании трудно строить какие-либо выводы. В любом случае объяснять появление бронзовых шлемов на Северном Кавказе знакомством с этими редкими экземплярами и, тем более, относить эти связи к тому периоду, когда контакты Центрального и Восточного Закавказья с Северным Кавказом не были столь интенсивными, оснований, как кажется, нет.

Книга В.Р. Эрлиха, посвященная предскифскому периоду, имеет большое значение и для понимания процесса формирования собственно скифской или, для данной территории, меотскифской материальной культуры. Вопрос о том, кому принадлежали такие блестящие памятники раннескифской культуры, как Келермесские курганы, – местному населению или пришельцам скифам – остается дискуссионным, но для понимания механизма сложения раннескифского культурного комплекса (определения, к которому присоединяется автор⁶) это принципиального значения не имеет. Как бы ни решать спорный вопрос о территории происхождения скифской культуры, роль центральных и западных областей Северного Кавказа в формировании из сплава самых разных традиций основных элементов «скифской триады» отрицать трудно. Очевидно также, что присутствие пришельцев-скифов, как можно предполагать по ряду косвенных данных, Iškuza аккадских текстов, сыграло в этом процессе роль катализатора. Исследование связей культуры протомеотского периода с последующей меотской (при всей условности такого этнического определения, что подчеркивается автором), или меото-скифской, оказывается весьма важным для понимания этого процесса. Так, генетическая связь меотской культуры с памятниками предшествующего периода прослежена на примере сохранения традиции святилищ и ритуальных комплексов, формирования курганного обряда захоронений еще в недрах новочеркасского горизонта, захоронения коней или их шкур, преобладании в вооружении копий, приемов изготовления лепной керамики и др. Как отмечает автор, опираясь на исследования Н.Н. Тереховой, две традиции железной металлургии, отмеченные для протомеотского периода, прослеживаются и в железных изделиях Келермесского могильника. Все это,

⁵ Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. М., 2001. С. 228–247.

⁶ Ср. Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М., 1992. С. 63.

безусловно, свидетельствует о преобладании автохтонного населения как в предскифский, так и в скифский периоды.

Особенно интересны факты зарождения в предскифский период элементов инвентаря, ставших характерными для раннескифских памятников и вне Прикубанья. Таковы цилиндрические пронизы, присутствующие в кургане 20 Нартана (Кабардино-Балкария), в Краснознаменском кургане 1 (район Ставрополя) или бронзовые наконечники стрел (с.102). К концу протомеотского периода автор и А.Р. Канторович относят и первые образцы скифского звериного стиля. В.Р. Эрлихом уже неоднократно было убедительно продемонстрировано восточноевропейское происхождение мотива головки хищной птицы, появившегося еще в протомеотский период и широко представленного в раннескифских так называемых клювовидных пронизях. По мнению В.Р. Эрлиха, именно из Предкавказья элементы «раннескифской триады» распространились в лесостепь Восточной Европы (с. 189).

С другой стороны, автор снова привлекает внимание к неоднократно упоминавшимся в литературе предметам центральноазиатского происхождения, найденным в разных пунктах Северного Кавказа, относя их к наиболее позднему, раннежаботинскому горизонту (с. 85, 179, 190). Появление этих вещей, по мнению автора, «свидетельствует о проникновении с востока какой-то новой волны кочевников. Все это находит соответствие с одной из версий происхождения скифов, приведенной Геродотом» (с. 199). Насколько появление отдельных разрозненных вещей может быть отражением прихода нового и, если уж ссылаться на Геродота, видимо, не слишком малочисленного народа – вопрос спорный, тем более что с освоением всадничества элементы материальной культуры распространялись по евразийским степям быстро. Обсуждение этой проблемы выходит за рамки рецензируемой монографии, однако из текста книги не совсем ясно, относится ли «восточный импульс» к одному хронологическому горизонту, как это неоднократно подчеркивает автор, или все-таки растворен во времени. Так, бронзовый котел восточного происхождения из кладки, найденного на склонах г. Бештау в 1951 г., «обнаружен вместе с уздой классического новочеркасского облика и новочеркасскими стрелами» (с. 85), т.е. вряд ли может датироваться позже новочеркасского горизонта. Однако на с. 179 котлы из Бештау (очевидно, из кладок и 1927, и 1951 гг.) уже безоговорочно отнесены к раннежаботинскому – непосредственно предскифскому – времени.

Весьма важным представляется сделанный еще раньше В.Р. Эрлихом и А.М. Лесковым и соответственно нашедший отражение в книге вывод о непродолжительном времени существования раннежаботинского горизонта (с. 173). Основанием для такого заключения послужило отсутствие данного горизонта в большом могильнике Фарс/Клады при наличии его в соседнем Хаджохе. Это свидетельствует о быстрой формирования раннескифского культурного комплекса и, в частности, имеет значение для хронологии памятников, содержащих отдельные его элементы. Как подчеркивает автор, промежуток между предскифским и скифским периодами был очень кратким. В.Р. Эрлих прекрасно продемонстрировал неразрывную связь этих двух культурно-исторических эпох, подтвердив на новом обширном материале тезис, сформулированный в свое время А.А. Иессеном⁷.

В рецензии затронуты лишь вопросы, которые представляются мне наиболее важными. И помимо них книга содержит огромное количество тонких наблюдений, интересных фактов, любопытных сравнений. Хотелось бы отметить и в основном осторожный, вдумчивый подход автора к возможностям хотения тщательно разобранных им археологических данных с упоминаемыми письменными источниками событиями и этносами. К сожалению, издание лишено указателей, которые были бы весьма полезны, учитывая объем и разнообразие проанализированных материалов. Монография В.Р. Эрлиха, явившаяся итогом его многолетних полевых исследований и обобщением предшествующих публикаций – удачный пример исторической интерпретации археологических памятников и важная веха в изучении поставленных проблем.

М.Н. Погребова

⁷ Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР // СА. 1953. № 18; он же. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // ВССА. М., 1954.

А.А. ЗАВОЙКИН. Фанагория во второй половине V – начале IV в. до н.э. (По материалам раскопок «Южного города»). Древности Боспора. 2004. Suppl. I

Фанагория была крупнейшим древнегреческим центром азиатского Боспора. Согласно общепринятой локализации она соотносится с городищем, которое находится в юго-восточной части Таманского полуострова, вблизи от современного поселка Сенная. Город занимал весьма выгодное географическое положение благодаря тому, что находился практически в центре Таманского полуострова среди плодородных земель и имел удобное сообщение как с греческим миром (по морю), так и с местными племенами (по реке Гипанису-Кубани и по суше)¹.

Раскопки столицы азиатского Боспора продолжают вот уже более двух веков. Они начались в середине XIX в. благодаря случайной находке лапидарного памятника (КБН 972), и с переменным успехом продолжались вплоть до начала XX в.² С середины 30-х годов и по сей день проводится систематическое исследование городища и некрополя Фанагории. Однако в научный оборот введена лишь небольшая часть археологического богатства из раскопок этого интереснейшего памятника.

Более полувека назад вышла работа М.М. Кобылиной «Фанагория», в которой были опубликованы материалы раскопок 1930-х–1950-х годов³, а позднее – многочисленные статьи, посвященные отдельным группам и категориям материала⁴, а также реконструкции некоторых политических и военных аспектов истории города⁵. Однако, несмотря на очевидные успехи и достижения в исследовании античного города, образовался своего рода «...разрыв между накоплением археологического материала и его историческим осмыслением»⁶. В этой связи особую значимость приобретает рецензируемая монография А.А. Завойкина «Фанагория во второй половине V – начале IV в. до н.э. (По материалам раскопок «Южного города»)». Работа включает публикацию и историческую интерпретацию археологических комплексов южной части памятника.

Раскопки здесь начались в 1979 г. в связи с прокладкой коллектора очистных сооружений по территории южной границы городища. Тогда и был заложен раскоп Южный город (далее – ЮГ) общей площадью около 2850 м² (с. 8)⁷. Благодаря своей конфигурации (траншея шириной 5 м и длиной 570 м) раскоп представлял собой «сплошной стратиграфический разрез южной части Фанагории на всем ее протяжении» (с. 8). По мнению А.А. Завойкина, «это обстоятельство имеет принципиальное значение для интерпретации полученных при раскопках материалов» (с. 8). На исследуемом участке, помимо других интересных объектов, впервые за всю историю изучения Фанагории открыты архаический некрополь и глиняно-плетневые дома начала V в. до н.э.⁸

¹ Кузнецов В.Д. Фанагория: история исследования и новые находки // РА. 2007. № 3. С. 5.

² Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 579.

³ Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 5–101.

⁴ См., например: Онайко Н.А. Краснофигурный фрагмент из Фанагории // КСИИМК. 1955. 58. С. 122–126; Голенко К.В. К уточнению датировки одной группы монет Фанагории // Там же. С. 139–141; Шелов Д.Б. Керамические клейма из раскопок Фанагории // МИА. 1956. № 57. С. 128–153; Блаватский В.Д. Фанагорийская стенная роспись // Там же. С. 168–170; Цветаева Г.И. Фанагория. Гончарные печи // САИ. 1966. Вып. Г-1-20. С. 31–33; она же. Производство расписной керамики в Фанагории // КСИА. 1972. 130. С. 21–23; Крыкин С.М. Новые терракоты всадников из Фанагории // КСИА. 1987. 191. С. 57–59; Фролова Н.А. Ранние монеты Фанагории (конец V – начало IV в. до н.э.) // Тез. докл. IX Всероссийской науч. конф. СПб., 2001. С. 12–15.

⁵ См., например: Кобылина М.М. Страницы ранней истории Фанагории // СА. 1983. № 2. С. 51–61; Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 14–33; Кузнецов В.Д. Метрополия Фанагории // ДБ. 2001. Т. 4. С. 237–253; Яйленко В.П. Вторая фанагорийская проксефия // Там же. С. 474–483.

⁶ Завойкин А.А. Образование Боспорского царства. Археология и хронология становления территориальной державы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2007. С. 7.

⁷ Паромов Я.М. Археолого-топографический план Фанагории // БС. 1999. № 1. С. 140.

⁸ О ранних типах греческих жилищ см. Долгоруков В.С., Колесников А.Б. Новый тип строительных комплексов Фанагории // РА. 1993. № 1. С. 113–132; Кузнецов В.Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. 1995. № 6. С. 99–126.

В западной части раскопа зафиксированы траншея выборки городской оборонительной стены и остатки сырцовых домов, слой разрушения которых относится к концу V в. до н.э. Исследованию этих археологических комплексов и посвящена рецензируемая монография А.А. Завойкина. Необходимо сразу отметить тот факт, что многие объекты участка ЮГ оказались недоисследованными из-за того, что часть их уходила в борта раскопа, а прирезки делались лишь в наиболее «интересных случаях». Кроме этого, автор с огорчением отметил утрату некоторого количества добытого материала. Этот факт объясняется тем, что при планировании раскопочных работ археологи не ожидали обнаружить столь мощный и насыщенный артефактами культурный слой.

Рецензируемая работа А.А. Завойкина состоит из введения, трех частей и заключения. Вниманию читателей представлено и прекрасно оформленное приложение, содержащее большое количество иллюстративного материала, чертежей, схем и таблиц.

Во введении постулируются задачи исследования – публикация материалов, полученных в ходе археологического исследования участка ЮГ, и историческое осмысление археологических фактов, выявленных раскопками, в контексте свидетельств других категорий источников (нарративных, эпиграфических, нумизматических) для реконструкции событий, происходивших в то время на Боспоре. А.А. Завойкин полагает, что интерпретация археологических комплексов и материалов из слоя разрушения участка ЮГ позволит «найти ключ» к пониманию некоторых ранее не известных фактов истории формирования территориальной державы Спартокидов (с. 13). Надо признать, что это исследователю вполне удалось.

В первой части монографии автор описывает археологические комплексы участка ЮГ. Для каждого из них он дает следующие сведения: год проведения раскопок, стратиграфия, характер и планировка объекта, а также его состав и датировка. Для хронологического определения используется в первую очередь амфорный материал. В связи с этим приводятся сведения обо всех обнаруженных амфорных фрагментах, особенно тщательно описывается морфология амфор, центры производства которых пока не определены, проводится их сравнение с другими известными амфорными комплексами. Большинство археологических объектов на основе амфорного материала отнесено к последней четверти V в. до н.э., однако в случаях, когда встречается такой «оптимальный» датирующий материал, как монеты и клейма, автором предлагается «более определенная» датировка материалов (с. 50). Как правило, хронологическое определение остальных групп керамики (импортная чернолаковая и расписная посуда) вписывается в полученный временной отрезок. Все это, вкупе с данными стратиграфии, позволяет автору очень четко определить дату разрушения древних строений в пределах последней четверти – конца V в. до н.э.

Все исследуемые объекты участка ЮГ второй половины V в. до н.э. интересны и значимы для науки, однако некоторые из них привлекают особое внимание. Прежде всего – так называемый «Дом зерноторговца». Этот комплекс представляет собой постройку из сырцового кирпича, возведенную в третьей четверти V в. до н.э. В северо-западной части этого сооружения было найдено около 1200 л горелого зерна, хранившегося в рогожных мешках (с. 53). А.А. Завойкин отмечает, что, вероятно, это зерно не предназначалось для длительного хранения, поскольку мешки не представляли особого препятствия для грызунов. Скорее всего, оно «...было недавно свезено с полей в закрома и его не успели перетарить» (с. 53), вследствие гибели дома в пожаре в последней четверти V в. до н.э. Также не исключен тот факт, что зерно в мешках было приготовлено для продажи.

В ходе работ в восточной части участка ЮГ были впервые обнаружены остатки позднеархаического некрополя. Особенно интересным представляется поминальный комплекс над погребением мужчины-воина и двумя детскими захоронениями (с. 58). Все три погребения относятся к последним десятилетиям VI в. до н.э. Над ними была зафиксирована тризна, перекрытая засыпью стерильной серо-желтой глины. В третьей четверти V в. до н.э. поверхность была сnivelирована, и на ней сооружены плетнево-столбовые конструкции (надмогильные оградки), расположение которых было строго соотнесено с местом погребений. Характер насыпи над сnivelированной поверхностью из чередующихся прослоек золы, угля и чистого песка, а также отсутствие в ней строительных остатков позволили А.А. Завойкину установить, что над местом этих погребений был возведен героон. Даже после разрушения надмогильных оградок в последней четверти V в. до н.э., поминальная традиция не была прервана. В первой половине IV в. до н.э. здесь была установлена целая амфора, видимо, использовавшаяся для возлияний или же в качестве примитивного алтаря. Юго-восточнее этого «алтаря» был устроен очажок-эсхара из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Не позднее середины IV в. до н.э. к востоку от по-

гребений была возведена площадка из хорошо утрамбованных фрагментов боспорской черепицы, от которой отходили два водостока в сторону сооружения в антах (с. 59). Этот поминальный комплекс, который вполне мог быть связан с культом героизированного предка, просуществовал вплоть до I в. до н.э. Автор сопоставляет его с зольниками – эсхарами, известными как в Греции, так и на территории Боспорского царства. Ряд исследователей полагают, что наличие подобных зольников в Северном Причерноморье свидетельствует о своеобразном религиозном синкретизме греческой и местной традиций⁹.

Во второй части монографии А.А. Завойкин подробно анализирует отдельные категории материала и осуществляет сквозную синхронизацию археологических комплексов участка ЮГ. Особое внимание уделяется находкам бронзовых наконечников стрел, монет и керамических клейм. Наконечники бронзовых стрел в слое пожара А.А. Завойкин связывает с «...некими военными событиями в истории города, произошедшими в последней четверти V – рубеже V/IV вв.» (с. 67). Обычно исследователи считают, что наконечники стрел «скифских типов» на греческих городищах остались после нападений варваров, но автор отрицает эту возможность, так как «...доказано производство на Боспоре наконечников стрел уже во второй половине VI – начале V в. до н.э.» (с. 69). Военный разгром Фанагории приписывается Сатире I и связывается с насильственным присоединением города к государству Спартокидов¹⁰. Своеобразным подтверждением доблестных деяний Сатира I на Азиатском Боспоре стал памятник его имени на юго-западной оконечности Фонталовского полуострова¹¹.

С целью разделения культурного слоя на два горизонта – V и IV веков до н.э. – автором определена нижняя граница находок бронзовых монет и керамических клейм. Известно, что самостоятельная чеканка фанагорийского серебра, состоящая из двух серий¹², была прекращена в конце последнего десятилетия V в. до н.э.¹³, что может свидетельствовать о потере городом автономии. Именно на это время приходится начало разборки оборонительной стены Фанагории. Атрибуция нижнего горизонта находок бронзовых монет позволила А.А. Завойкину еще раз подтвердить, что разрушение археологических комплексов западной части участка ЮГ произошло незадолго до начала IV столетия (с. 77).

С той же целью – определение хронологического репера между слоями V и IV веков до н.э. – А.А. Завойкиным подробно рассмотрена другая категория находок: амфорные и черепичные клейма. Основными источниками определений стали амфорные клейма Фасоса и Гераклеи Понтийской, появление которых на городище отмечается с начала IV в. до н.э.¹⁴ Практически во всех комплексах участка ЮГ встречается клейменная амфорная тара этих центров и «...почти во всех случаях граница слоя, содержащего в себе клейма, совпадает с верхним горизонтом разрушений домов» (с. 81).

При подведении общего итога изучения керамической тары из слоя разрушения домов выяснилось, что весь амфорный материал синхронизируется в пределах последней четверти V в. до н.э. Верхняя граница импортной чернолаковой и расписной посуды определяется в рамках того же временного отрезка; что касается прочей посуды, то она, по мнению А.А. Завойкина, «... не имеет какого-либо особого значения для хронологической характеристики» (с. 88). Эти сведения подтверждают полученную им дату разрушения изучаемых объектов в пределах 410–400 годов до н.э. (с. 91).

Анализируя полученные данные, А.А. Завойкин приходит к следующим выводам. Находки бронзовых наконечников стрел в слоях разрушения, прекращение самостоятельной фанагорийской чеканки и разбор оборонительных стен указывают на то, что город был насильственно присоединен к державе Спартокидов в последние годы V в. до н.э.¹⁵ Данное заключение подтверждается и тем обстоятельством, что городское строительство на участке ЮГ было возобновлено лишь спустя 25–50 лет после этих событий (с. 90). С IV в. до н.э. отмечается строительство домов на каменных цоколях из керченского известняка – «факт сам по себе мало что говорящий», однако, как представляется автору, свидетельствующий о новом уровне экономических отношений между Пантикапеем и Фанагорией (с. 92).

⁹ Виноградов Ю.А. Мирмекий // ОАИБ. С. 113.

¹⁰ Завойкин А.А. Наконечники стрел из раскопок городища Фанагории // ДБ. 1998. Т. 1. С. 80.

¹¹ Он же. Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo. XI. 2, 7) // ДБ. 2000. Т. 3. С. 59.

¹² Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 139.

¹³ Завойкин А.А. О времени автономной чеканки Фанагории // БС. 1995. № 6. С. 89.

¹⁴ Кач В.И. Основные закономерности распределения фасосских амфорных клейм // АМА. 1999. № 10. С. 114; Кач В.И. A New Chronology for the Ceramic Stamps of Herakleia Pontike // The Cauldron of Ariantas. Aarhus, 2003. P. 27.

¹⁵ Завойкин. Образование Боспорского царства... С. 46.

В третьей части работы автор обобщает полученные материалы и рассматривает их в контексте истории Боспорского царства на рубеже V–IV веков до н.э. На основе сопоставления нумизматических и археологических данных им «была предпринята попытка» корректирования традиционной даты автономной чеканки Фанагории (с. 96). Подробно рассмотрев фактурные характеристики фанагорийских монет, проведя параллели с другими центрами монетной чеканки (Нимфей, Феодосия, некоторые серии пантикапейской чеканки и монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ), а также учитывая историческую ситуацию на Боспоре (начало территориальной экспансии Спартокидов), А.А. Завойкин пришел к заключению, что хронологические рамки фанагорийской чеканки не выходят за пределы 410/405 – 393 годов до н.э. (с. 103). Этот вывод позволяет некоторым образом скорректировать гипотезы ряда исследователей относительно времени автономной чеканки Фанагории¹⁶.

Опираясь на анализ керамической тары, А.А. Завойкин представил собственную периодизацию торговых связей Восточного Средиземноморья и Боспора в VI–IV вв. до н.э., где каждый период охарактеризован определенным набором керамики из центров-производителей амфорной тары и увязан с конкретными событиями истории античного мира. Автор выделил три периода подобных связей (с. 107–110): I: VI – начало V в. до н.э.; II: второй период распадается на этапы: *IIa* – вторая четверть V в. до н.э., *IIб* – середина третьей четверти V в. до н.э., *IIв* – четвертая четверть V в. до н.э.; III: начало IV в. до н.э.

События последней четверти V в. до н.э. в Фанагории приходятся на этап *IIв*. В это время осуществлялась активная застройка южной части города, его территория расширяется до 50–60 га, отстраиваются оборонительные стены. В конце этапа чеканится фанагорийская серебряная монета. Этот отрезок жизни Фанагории обрывается катастрофой; в конце V в. до н.э. вся юго-восточная часть города оказалась в развалинах. Хотя следы пожара прослежены не повсеместно, сам факт одновременности гибели построек сомнений не вызывает и наводит на мысль о насильственном включении Фанагории в состав Боспорского царства¹⁷. Сопоставив эти события с коллизиями общегреческой истории, А.А. Завойкин пришел к выводу, что начало территориальной экспансии Спартокидов связано с ослаблением Афин в ходе Пелопоннесской войны (с. 11)¹⁸. В результате этой экспансии в состав Боспорского государства вошли Нимфей (410–405 гг. до н.э.)¹⁹, Фанагория (последние годы V в. до н.э.) и ряд других городов Азиатского Боспора, а затем в первой четверти IV в. до н.э. в ходе военных действий была присоединена и Феодосия²⁰.

Рецензируемая монография А.А. Завойкина является результатом большой аналитической работы, отличается комплексностью подхода к решению поставленной проблемы. Им введен в научный оборот археологический материал из многолетних исследований южной части городища Фанагории, детально проработаны и интерпретированы материалы из слоя разрушения участка ЮГ. Автор дополнил их данными других источников и сопоставил с историческими событиями на территории Боспора и в метрополии, раскрыл не известные ранее страницы формирования территориальной державы Спартокидов. Безусловно, работа А.А. Завойкина – серьезный вклад в современное боспороведение.

Е.Г. Панкратова

¹⁶ См. Мельников О.Н. Боспорская государственность VI – начала IV в. до н.э. по данным нумизматики // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы VI Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 181; Терещенко А.И. О монетах с надписью ΣΙΝΔΩΝ // Stratum + 1999. № 6. С. 87, 89.

¹⁷ Завойкин А.А. Периодизация торговых связей по керамической таре и вопросы истории Фанагории: вторая половина V–V в. до н.э. // ОАИБ. С. 260.

¹⁸ Он же. Периодизация торговых связей по керамической таре и вопросы истории Фанагории: вторая половина VI–V в. до н.э. // ОАИБ. С. 267; Шелов-Коведяев В.Ф. История Боспора в VI–IV в. до н.э. // ДГ СССР за 1984 год. М., 1985. С. 82; Завойкин. Образование Боспорского царства... С. 40.

¹⁹ Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 113.

²⁰ Там же. С. 122.